

Самая народная

Металлурги Надежде Бапкиной понравились

«Казачка Надя черта не боится!» — так она сама о себе пела, если помните. Дополняют картину многочисленные статьи о «самой народной певице России» с жалобами на ее крутой казачий нрав: мол, и за словом в карман не полезет, и вообще послать может, если что не так. Однако воочию убедилась в полном демократизме Надежды Георгиевны. Постараюсь теперь убедить в этом читателей. Итак, на праздничный концерт, посвященный Дню металлурга, руководство комбината пригласило ансамбль, вернее, уже театр «Русская песня» во главе с его создателем и бессменным руководителем, вернее, руководителем.

Знакомство с металлургами у Надежды Георгиевны началось задолго до приземления в аэропорту Магнитогорска. В салоне бизнес-класса, которым летела народная артистка России, кроме нее самой и ее коллег, присутствовали и другие пассажиры, стремившиеся попасть на торжество. Так вот, отмечать свой профессиональный праздник они, назовем их состоятельными металлургами, начали еще в воздухе. Вскоре после взлета из салона стали доноситься застольные песни вовсе не в исполнении Надежды Георгиевны — и так на протяжении всего полета. Но настроения и доброго расположения духа певице это не испортило. Делясь впечатлениями по выходе из самолета, она лишь сказала, смеясь: «Металлурги — народ веселый».

Поселили певицу в отеле «Европа». Единственное, о чем попросили работников, о полнейшей тишине, поскольку утомленная многочисленными гастролями Надежда Георгиевна была намерена все свободное время до концерта посвятить отдыху. Договорившись об интервью мне было поручено с директором коллектива. Провисев несколько часов на телефоне в тщетной попытке «выщепить» его в номере, в полном отчаянии прошу администратора: «А, может, попробуйте соединить с номером Бапкиной? Вдруг они все там?» На удивление, администратор согласилась. После нескольких длинных гудков в трубке раздается женский голос — сама! Приношу тысячу извинений и объяснений за свою наглость, спрашиваю на интервью: «Вы только не волнуйтесь, газета солидная, никакой пошлости не будет, да и времени мне нужно всего ничего». В ответ — совершенно спокойное и даже доброжелательное: «Конечно, можно и сейчас, но, если честно, я хотела бы отдохнуть — вы меня разбудили. Давайте лучше перед выступлением». Естественно, я соглашаюсь.

Вечером, вдоволь наладившись полетами эскадрильи «Русь», спешим к входу в малый Ледовый Дворец — именно туда через несколько минут должна подъехать певица. Службные «джипы» выстроили коридор, защищающий артистов от прямого столкновения с поклонниками, затем подъехал черный «мерседес», откуда вышла сначала она, потом ее нашумевшее личное и творческое увлечение — Евгений Гор. Надежда Георгиевна — невысокого роста, с новой причешкой, заметно помолодевшая и похорошевшая, ослепительно улыбаясь и раздавая всем вокруг своим низким грудным голосом «Здра-а-авствуйте!», проследовала в гримерную. Гор — следом.

Интересный момент: гримерка «Русской песни» находится непосредственно у выхода на сцену. Там в ожидании своего выступления толпятся местные народные коллективы — девушки в кокошниках, ярких платьях и еще более ярком макияже. Встречают гостей с чисто детской непосредственностью: «О-о-ой, тетя Надя!» Появление молодого бой-френда тоже не остается незамеченным: «Ну надо же, какой красивый!» — почти в полный голос, в интонации то ли восхищение, то ли возмущение. Царственная пара, едва улыбувшись и не подав виду, что услышала все замечания, скрылась за дверью. Через несколько минут, уже облаченная в сценический костюм, Надежда Георгиевна пригласила меня на интервью. Спокойной беседы не по-

лучилось: во-первых, певица еще не «навела марафет», поэтому от фотографии во время интервью отказалась категорически. Во-вторых, отвлекали многочисленные поклонники с традиционными «А дайте автограф, а давайте сфотографируемся!» Торопясь, а потому уже нервничая, Бапкина все же находила в себе силы «сделать улыбку» в объективы. И, наконец, через несколько минут коллективу нужно было выходить на сцену. Зато мне была обещана каждая минутка, когда Надежда Георгиевна будет уходить со сцены переодеваться. Так что абсолютно все действие проходило передо мной. Чисто по-женски не могу не отметить: Надежда Георгиевна заметно похудела — до такой степени, что ее юбки во избежание падения костюмер Люда прикалывала булавками прямо к кофточкам.

— Надежда Георгиевна, еще раз простите меня за наглое вторжение в ваш сон сегодня днем.

— Да ладно, чего там! У меня работа — петь, у вас работа — поймайте меня для интервью, вы с этим справились на славу. Вот мой директор оплошал: его работа — договариваться о встрече с журналистами вместо меня. Но это уже другой разговор.

— Когда я готовилась к встрече с вами, просматривала ваш официальный сайт и была поражена, наткнувшись на объявление о конкурсном наборе женских голосов.

— А что тут поразительного?

— Вашему коллективу 30 лет. Это имя, авторитет — бренд, одним словом. Наверняка желающих петь в «Русской песне» — пруд пруди. Зачем затрачивать дополнительные усилия на проведение конкурсов?

— Так мне «пруд пруди» как раз и не надо — зачем мне вал? Мне нужны профессионалы с высшим музыкальным

Женская сила — миф. Просто мужики рядом слабые

образованием. Конечно, после популяризации различных «Фабрик звезд» в нашей стране сложилось мнение, что петь может любой — чего там трудно? Но мне лично важен профессионализм, поэтому уж лучше я помучаюсь, проводя конкурсные отборы, зато не буду краснеть за своих артистов, поющих на сцене, между прочим, вживую.

— Не могу сказать, что внимательно смотрела все «Фабрики звезд», но кое-что видела, и в одном из выпусков, кстати, вы были гостем фабрикантов. Как это понимать, исходя из вашего ответа?

— Да, я приходила к ним в гости — это наша работа. И потом, я не могу игнорировать высокие рейтинги этой программы, ведь это бизнес. Но я понимала, что фабриканты настолько далеки от того, что я им могу преподать! Бедные детишки: они еще ничего не умеют, но им уже внушили, что они звезды. Мои уроки для них были тяжким трудом — хуже Голгофы. Это ведь в телевизионной чике — я пришла, чик — мы все вместе смеемся, чик — они уже поют со мной. А на самом деле мы там с ними часа четыре просидели — не меньше.

— Тяжело — это понятно. А интересно им было? Насколько они понимали в тот момент, кто пришел к ним?

— Ну как же! Они прекрасно понимали, кто я такая — совершенно недосягаемый человек, имеющий профессиональный навык в том, о чем у них даже представления нет. Они смотрели на меня, как на инопланетянина, который умеет все. «Фабрика» — продукт временного происхождения, он не может существовать долго. А то, чем занимаюсь я, — вечно. И они потом сами говорили мне, что благодаря нашей встрече смогли прикоснуться к чему-то неизведанному.

— И еще, если можно, по поводу отбора: я слышала, вы предпочитаете работать с провинциалами?

— Совершенно верно.

— Потому что москвичи, как вы говорите, наглеют?

— Да нет, что вы! «Наглеют» — я вообще таких слов не употребляю.

— Сейчас я даже процитирую эту фразу из интервью с вами: «Москвичи наглые и агрессивные, с ними становится просто невозможно работать».

— Ну, видимо, это кто-то перефразировал. А насчет провинциалов — да, мне нравится с ними работать. Потому что у них другое отношение к русской народной песне, оно как бы впитано из той местности, в которой они жили.

— Однако в том же интервью — другая ваша фраза: «Взяв Евгения Гору из ижевского ансамбля и проработав с ним два года, я вижу, как несравнимо вырос его уровень, так что провинциальная школа, увы, далека от московской по профессионализму».

— Еще одно вранье. Он не пел ни в каком ижевском ансамбле. Женя занимался в школе ис-

Фото Дмитрия РУХМАЛЕВА.

— В беде или в радости?

— Везде.

— Просто говорят, что настоящие друзья познаются не в беде, а в радости, потому что пожалеть может любой, это даже приятно, а вот порадоваться искренне успехам другого — только настоящий друг.

— Не для меня утверждение. По-моему, все готовы пристроиться к успешному человеку, чтобы и на их долю что-то перепало от этого успеха. А вот когда у тебя беда, такие люди только и думают, как бы поласковее отступить. Подставить свое верное плечо способны далеко не все.

— В вашей жизни много таких надежных плеч?

— Ну, о всех, позвольте, я говорить не буду, а вот самое надежное, как ни странно, Женякин, несмотря на его молодость. Он меня не воспринимает как некий постамент — я для него просто Надежда Бапкина, и дома у нас простые, душевные отношения на уровне «мужчина — женщина». Абсолютно все мои трудности им воспринимаются совершенно адекватно. И он искренне интересуется всем, что со мной происходит: а тут что, а там чего, а главное, ты как? Вникает, вбирает в себя, как губка, поскольку он молод, дерзок, энергичен, быстро реагирует на всякого рода движения.

— Есть два типа артистов: одни говорят о своей личной жизни с журналистами, считая, что артист должен оставаться загадкой — к такому относится актер Андрей Соколов. Другие, например, Лолита, наоборот, готовы говорить на любые темы: мол, пусть лучше народ услышит правду от меня, чем потом сплетни от других. Вы себя, судя по всему, ко второму типу относите?

— Понимаете, в чем дело: сплетни рождаются не от того, кто что рассказывает, а от того, кто как эти рассказы домысливает. Я никогда не чураюсь журналистов, вы тому свидетель, но почти каждый раз вижу: говоришь им одно, а они перефразируют это по своему и выдают совершенно другое. Но, в общем, вы правы: все, что можно рассказать вслух, я расскажу. Все остальное — табу: это закрыто за семью замками. Это моя личная жизнь,

и она никого не касается, и советовать я ни с кем не собираюсь.

— У вас три высших образования: два музыкальных и одно режиссерское. Не так давно я слышала, с каким трудом вам удалось отстоять у нашего беззакония свой театр, вернее, здание для него. Может, стоит подумать о дипломе юриста, чтобы грамотно защищать свои интересы?

— А зачем? Конечно же, никто не решит твоих проблем лучше тебя самой — это факт. Но, если говорить о профессиональных аспектах, то каждый должен заниматься тем, что умеет делать хорошо. У меня в ансамбле есть девочка с высшим юридическим образованием, она мне советует, что и как. И в нашей стране немало хороших юристов и адвокатов. Уж лучше я буду хорошо петь, чтобы иметь деньги их нанять, если что.

— И последний вопрос, потому что вам опять нужно на сцену. Одни говорят, что сильная женщина — это реальность. Другие считают, что сильных женщин не бывает, просто рядом с ними еще более слабые мужчины...

— Совершенно правильно говорят — не бывает сильных женщин. Сила — это наша защита, когда мужики рядом слабые. Я понимаю, к чему вы ведете: я, мол, сильная. Пришлось такой стать — волею судеб становилась такой, когда тебе приходится нести на себе ежедневную ответственность за коллектив в 120 человек. Именно такой штат в моей «Русской песне», которой я руковожу 30 лет, — это колоссальное напряжение. Но это не говорит о том, что сама по себе я сильная женщина, иначе не стала бы искать тепла у того же Женяки. Хочется иногда и расслабиться, и поплакаться кому-то в сильное плечо — как у всех.

Когда Надежда Бапкина пела, рядом со сценой стояла ее «сильное плечо», пританцовывая в ожидании своего выхода. Решила поговорить и с ним — может, расскажет чего интересного? Интересного в Евгении Горе оказалось много. Интервью с ним — в следующем номере «ММ».

Рита ДАВЛЕТШИНА.